

УДК 101.1:316.7(043.3)

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ДИВЕРГЕНЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Е. В. РАДЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются современные тенденции социодинамики, проявляющиеся в дивергенции мирового сообщества в условиях глобализации. Решающую роль в этих тенденциях играют современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), которые образуют синергетическое единство с культурой. Для его обозначения в работе используется концепт «культурно-информационное пространство», который демонстрирует интегральное взаимодействие культуры и ИКТ как результат глобализации. Именно посредством новых высоких технологий глобализация оказывает влияние на культуру и демонстрирует актуальный тренд своего развития – дивергенцию современного общества, которая проявляется в таких различных нестабильных и неустойчивых состояниях мирового целого, как национальные и религиозно-этнические противостояния, военные конфликты (на примере работы Дж. Фридмана), а также гибридные конфликты, становящиеся неотъемлемым атрибутом современного социума. Особое внимание уделяется информационным и кибернетическим войнам как области гибридных конфликтов, которые являются закономерным результатом развития ИКТ в условиях глобализации.

Ключевые слова: культура; информация; культурно-информационное пространство; дивергенция; информационно-коммуникационные технологии; глобализация; гибридная война; информационная война; кибервойна.

CULTURAL AND INFORMATION SPACE AND DIVERGENCE OF MODERN SOCIETIES

E. V. RADEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the study of modern trends in sociodynamics, which are appeared in the divergence of the world community in the context of globalisation. The decisive role is played by modern information and communication technologies (ICT), which form a synergistic unity with culture. To designate such unity, the work uses the concept of «cultural and information space», which demonstrates the integral interaction of culture and ICT, as a result of globalisation. It is through modern high technologies that globalisation affects culture and demonstrates a new trend in its development – the divergence of modern society, which manifests itself in various unstable and unsteady conditions of the world whole such as national and religious-ethnic confrontations, military conflicts (on the example of J. Friedman's work), as well as hybrid conflicts that are becoming an integral attribute of modern society. Special attention is paid to information and cyber wars, as a manifestation of hybrid conflicts, which are a natural result of the development of ICT in the context of globalisation.

Keywords: culture; information; cultural and information space; divergence; information and communication technologies; globalisation; hybrid war; information war; cyber war.

Образец цитирования:

Радевич ЕВ. Культурно-информационное пространство и дивергенция современных обществ. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022;1:42–48.

For citation:

Radevich EV. Cultural and information space and divergence of modern societies. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;1:42–48. Russian.

Автор:

Екатерина Владимировна Радевич – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Ekaterina V. Radevich, senior lecturer at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
katrin_frol@mail.ru

«Конец XX – начало XXI в. ознаменовались существенными трансформациями, произошедшими в социокультурном пространстве современности. Для построения научной картины современного социума и решения стоящих перед ним сложнейших проблем необходима разработка инновационных методов и стратегий исследования, которая должна осуществляться на уровне философской рефлексии. Объектом научного исследования сегодня становятся комплексные проблемы, требующие такого же комплексного, междисциплинарного подхода к их изучению. Поэтому особую значимость на современном этапе имеют научно-исследовательские проекты, реализующиеся на стыке различных дисциплин и направлений с использованием инновационных методологических подходов. Феномен глобализации культуры и конституирующая роль ИКТ в процессе ее реализации, безусловно, относится к таким комплексным проблемам, требующим системного философского осмысления» [1, с. 1]. Особого внимания сегодня заслуживает новый тренд глобализационных изменений – появление ярко выраженной дивергенции в современном обществе. Одним из ключевых факторов данной тенденции является образование в условиях глобализации единого пространства культуры и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), т. е. культурно-информационного пространства социума. Такое пространство, как результат интегрального взаимодействия культуры и ИКТ в условиях глобализации, является объектом настоящего исследования, а дивергенция современного общества, как результат данного взаимодействия, выступает предметом исследования. Цель исследования – выявить основные факторы дивергенции на современном этапе глобализации. Для реализации поставленной цели необходимо решить основные задачи: 1) эксплицитировать понятие «культурно-информационное пространство»; 2) выделить основные тенденции в развитии современного глобального общества, которые выявляют дивергентную направленность его социодинамики; 3) определить понятие гибридных войн как одного из ключевых факторов дивергенции современного общества. Для решения поставленных задач в статье используются следующие методы: метод интерпретирующего анализа, позволяющий критически осмыслить основные тенденции современных социокультурных трансформаций; семантический метод, который необходим для четкого определения таких значимых понятий для данного исследования, как культурно-информационное пространство, дивергенция, гибридная война и др.; метод системного анализа, позволяющий рассматривать культуру и ИКТ как единую систему, посредством которых осуществляются все глобальные изменения в современном обществе.

Актуальные информационные технологии формируют особую среду, которая включает в себя технико-технологические, информационно-компьютерные, программные составляющие, медиаресурсы, и в единстве с культурой как духовной сферой образуют культурно-информационное пространство современного общества.

Новый этап глобализации культуры связан с применением ИКТ. В настоящее время все глобальные трансформации происходят благодаря высоким технологиям, что, в свою очередь, влияет на соответствующие изменения культурно-информационного пространства социума. Глобализация на данном этапе социокультурного развития не столько выражается в сфере экономики или политико-институциональном аспекте, сколько оказывается возможной в результате кооперативного взаимодействия культуры и ИКТ, посредством которого осуществляется глобальный синтез культурно-информационного пространства современного общества.

Образуя синергетическое единство и демонстрируя кооперативный эффект взаимодействия ИКТ и культуры, концепт «культурно-информационное пространство» дает возможность понять многие современные процессы, происходящие в обществе. Нелинейный и непредсказуемый характер глобальных трансформаций, вызванных случайными флуктуациями, обуславливает их динамичность, спонтанность и неустойчивость, способствуя переходу на новый уровень самоорганизации. Современные дивергентные процессы, происходящие в мире, являются прямым подтверждением принципа неустойчивости, наглядно демонстрирующего, что общество находится в точке бифуркации, от которой пойдет новый отсчет существования социальной системы.

При анализе текущей ситуации в обществе невозможно игнорировать тенденции, определяющие облик мирового пространства. Речь прежде всего идет о тех процессах, которые свидетельствуют о реальной дивергенции мирового сообщества, в то время как информационный контекст происходящих социальных трансформаций зачастую играет решающую роль. Как было отмечено ранее, появление новых информационно-компьютерных технологий существенным образом повлияло на культуру, а также определило характер взаимодействия между людьми в современном мире как на микроуровне (межличностном), так и на макроуровне (международном). Увеличение рискогенности и неустойчивости социума становится основной предпосылкой дивергенции мирового пространства.

«Анализ таких нестабильных и потенциально конфликтогенных регионов осуществляет в своей знаковой работе “Горячие точки: геополитика, кризис и будущее мира” американский экономист

и политолог Дж. Фридман. Оставаясь уверенным в том, что США были и есть единственными мировыми лидерами, Дж. Фридман акцентирует особое внимание как на актуальных конфликтах, которые происходят сегодня в мире (война в Сирии, внутренний раскол Украины, столкновения между Азербайджаном и Арменией за Нагорный Карабах и др.), так и на потенциально возможных, которые по тем или иным причинам находятся в латентном состоянии, но при определенных условиях рискуют стать точками военного противостояния. Подробно анализируя историческое прошлое Европы и все те проблемы, с которыми она столкнулась за последнее столетие, автор приходит к выводу, что уже на сегодняшний день «Европа перенаселена и фрагментирована». Огромные потоки мигрантов, а также «затухшие», но не погасшие конфликты, которые никуда не исчезли, дают основание политологу утверждать, что пограничные зоны – это «горячие точки». Кроме того, мировой финансовый кризис, который начался в 2008 году, привел к ухудшению экономической ситуации во всем Евросоюзе и росту безработицы. Это также увеличивает социальное напряжение и ведет к дестабилизации общества. Более того, старые конфликты между враждующими соседями на Балканах и Кавказе» [2, с. 83–84], которые временно были затухшими, опять стали горячими точками.

Факты, приведенные Дж. Фридманом, наглядно демонстрируют, что «проект создания единого мира в целом является утопичным и поэтому потерпел фиаско» [2, с. 84]. Таким образом, в последние десятилетия XX в. набирает популярность доктрина мультикультурализма, которая предполагает равнозначное существование различных локальных культурных образований и даже признание культуры, «привнесенной» извне, равной по статусу с местной. Однако массовая миграция арабо-мусульманского населения в Европу, по утверждениям Дж. Фридмана, отнюдь не показывала то, что принцип мультикультурализма был реализован на практике. Такая ситуация вызвала реакцию в виде сепаратизма и нарастания внутреннего недовольства местного европейского населения. Обобщая все вышеперечисленные факты, Дж. Фридман делает следующий вывод: «...в последние годы европейские общества претерпели значительные изменения своего внутреннего устройства. Открытая дифференциация населения по культурным и религиозным признакам, которая отчетливо проявляется в одежде и манере поведения, привела к серьезной дестабилизации отдельных городов и даже стран» [3, с. 333].

Разительные отличия присутствуют между европейским севером и югом в их менталитете, определяющем отношения людей к жизни, работе (автор отмечает природную неорганизованность, отсутствие трудолюбия южан), семейным и религиозным ценностям и др. Таким образом, можно зафиксиро-

вать раскол между этими частями Европы, который имеет давнюю историю, но в данный момент обостряется. В то же время напряженность растет и внутри самих стран – участниц ЕС. Это связано с тем, что рядовое население считает выгодным существование ЕС только для богатой и правящей элиты, а для среднего класса оно означает необходимость больше работать и платить все возрастающие налоги, чтобы поддерживать существование союза. Широкие массы людей начинают скептически, а иногда даже враждебно относиться к идее существования ЕС. Все вышеперечисленное только усиливает фрагментарность и раздробленность Европы. К этому стоит добавить увеличение миграции мусульманских беженцев, которые еще больше дестабилизируют ситуацию.

В результате вся Евразия раскалывается и фрагментируется по национальным или этнически религиозным признакам. Даже островное государство – Великобритания – не стало исключением. Решение о его выходе из состава Евросоюза свидетельствует о нарастающей дивергенции мирового целого и распаде целостности Европы. Присутствует и внутренний раскол Великобритании – все больше усиливается движение за независимость Шотландии, о чем свидетельствовал проведенный референдум, на котором 45 % граждан проголосовали за отделение страны от Великобритании [2, с. 84].

Данные кризисные ситуации являются закономерным следствием процессов глобализации. Оптимистичная оценка данного феномена на этапе генезиса первых теорий была обусловлена экономическим детерминизмом, который акцентировал внимание на снятии всех национальных, государственных и территориальных ограничений для перемещения финансов и капиталов, а также на главенствующей роли транснациональной компании на международной экономической и политической арене. Таким образом, делался следующий вывод: формирование единого мирового экономического пространства ведет к культурной конвергенции, унифицирующей этнокультурные особенности. Данному процессу способствует создание единого информационного пространства, которое усиливает взаимодействие и культурный обмен между различными людьми и сообществами. Однако актуальная социокультурная ситуация демонстрирует обратную тенденцию, когда на фоне экономической и информационной конвергенции происходят национальная, этническая и религиозная дивергенции, а также локализация, фрагментация и дифференциация общества по вышеперечисленным признакам, на что указывают не только зарубежные исследователи, но и российские ученые. В частности, А. Л. Сафонов отмечает, что «реальные процессы глобализации, вопреки логике экономического детерминизма, неожиданно пошли в сторону цивилизационной,

этнической и конфессиональной дивергенции и фрагментации. На первый план все чаще выходят глобальные угрозы социального порядка, связанные с трансформацией системообразующих социальных общностей, в частности национальных и этнических» [4]. Это обстоятельство заставляет посмотреть на вопрос глобального моделирования с иной точки зрения. Для того чтобы выстроить интегральную модель социокультурной динамики, необходимо учитывать не только глобальные угрозы (экологические и сырьевые проблемы), демографическую ситуацию и экономический кризис, но и социальные проблемы, которые проявляются в кризисе гражданских наций, их фрагментации на этнические и конфессиональные сообщества. Глобализация в силу своей специфики обусловила становление не единого, гомогенного общества и породила всеобщий социальный кризис, который под действием процессов экономической, идеологической и информационной глобализации стал всепроникающим и обрел мультифакторный характер. Таким образом, сегодня наблюдается ситуация не глобального единения мирового социума, а глобального противоборства и усиления конфликтогенности. Как отмечает А. Л. Сафонов, «вопреки ожиданиям, экономическая глобализация с ее конвергентной направленностью ведет к нарастанию этнокультурной дивергенции, отражающей обострение социальной конкуренции за жизненно важные ресурсы, объективно обусловленное углублением мирового ресурсно-демографического кризиса» [5, с. 48–49].

Однако дивергентные процессы, происходящие на данный момент в мире, не сводятся исключительно к национальным и этническим конфликтам, которые существовали веками. Обострение старых и возгорание новых очагов противостояния неизбежно связаны с информационным полем, которое окружает то или иное событие, и с тем, как оно преподносится для всей мировой общественности средствами массовой информации и средствами массовой коммуникации. Многие современные конфликты являются результатом информационных и даже гибридных войн.

Под гибридной войной понимается такое противостояние, при котором «противник одновременно использует комбинацию военных, политических, экономических, социальных и информационных средств; а также обычных и нетрадиционных, террористических, разрушительных и криминальных методов борьбы, включая как государственные, так и негосударственные субъекты»¹ [6]. В качестве примера гибридной войны в зарубежной литературе часто приводят войну Израиля с Ливаном, в ходе которой правительственным войскам противостояла

неправительственная группировка «Хезболла», во многих странах признанная террористической.

Исследователи обращают внимание на то, что данная группировка не является просто военной организацией. Она содержит в себе политические, социальные, дипломатические и информационные каналы воздействия, обеспечивающие поддержку местного населения: оказание гуманитарной, медицинской помощи, строительство инфраструктуры, обучение ливанцев и другие меры, которые в совокупности с военными операциями позволили противостоять правительственным войскам Израиля. В данный конфликт были вовлечены субъекты официальных государственных армий и неправительственные силы. Сам конфликт оказывает влияние на всю политику международных отношений. В частности, военная операция в Ливане рассматривалась, во-первых, как провокация со стороны Сирии и Ирана, а во-вторых, как предварительная акция перед военной кампанией США в Иране. По мнению Дж. Маккуэна, «для победы в гибридных войнах необходимо добиться успеха в трех решающих битвах: на обычном поле битвы, поле битвы с коренным населением и на международной арене» [7, p. 107].

Примером гибридного противника выступает организация «Талибан» в Афганистане, которая использовала целый спектр методов для захвата власти, в результате чего, подобно группировке «Хезболла», стала государством в государстве и создала теневое правительство в Афганистане [8]. В настоящее время, как известно, движение «Талибан» полностью захватило власть в Афганистане в связи с выводом американских войск из данной территории.

Для того чтобы эксплицировать основные характеристики гибридных войн и конфликтов, необходимо разграничить их и наиболее традиционные типы войн. В зарубежной литературе выделяют следующие виды приемов ведения войны:

- обычная (конвенциональная) война, в которой участвуют два и более государства и используют национальную армию для достижения политических и военных целей. Участники конфликта следуют традиционным правилам ведения войны, чего ожидают и от противника;

- нерегулярная (нетрадиционная) война предполагает борьбу государственных и негосударственных субъектов за установление влияния на какой-либо территории. Стороны нерегулярной войны часто прибегают к асимметричным подходам ведения военных действий, но в полной мере могут использовать боевые и военные средства для подавления силы, мощности и воли противника. Нерегулярные войны включают в себя акты терроризма, мятежи,

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. В.

диверсии и другие нерегулярные методы противостояния, а также соответствующие контрмеры;

- асимметричная война ведется между неравными по силе противниками. Слабая сторона наносит удары по наиболее уязвимым сторонам сильного соперника, опираясь на эффект неожиданности и непредсказуемости. Применяются различные нетрадиционные (нерегулярные) тактики, партизанская война и др. [8, р. 12, 213].

Один из первых теоретиков концепции гибридной войны, специалист в области военно-политического стратегического планирования и вооруженных конфликтов Ф. Г. Хоффман отмечает, что «гибридные угрозы инкорпорируют различные способы ведения войны, включая конвенциональные (традиционные) возможности и нетрадиционные (нерегулярные) тактики, террористические акты, в том числе беспорядочное насилие и принуждение, а также криминальные беспорядки» [9, р. 8]. Гибридные войны могут проводиться как отдельными государствами, так и множеством негосударственных акторов. По мнению Ф. Г. Хоффмана, эти мультимодальные действия осуществляются отдельными объединениями или одним и тем же, но в целом координируются и управляются внутри главного пространства ведения боевых действий. Все вышеперечисленное делается для достижения комплексного эффекта в рамках физического и психологического измерений конфликта. Этот эффект может быть достигнут на любых уровнях войны.

В гибридной войне применяются не только открытые вооруженные противостояния, но и нетрадиционные средства борьбы, к которым относятся партизанские движения, скрытые диверсии, террористические акты, психологические войны, поддержка неправительственных организаций и движений, подкуп местного населения и др. Гибридная война не всегда предполагает официальное объявление войны. В данном контексте очевидно, что гибридная война – явление отнюдь не новое в истории человечества и она включает в себя нерегулярную и асимметричную войну, в связи с чем следует отметить «размытость» категориального аппарата этой проблемы как в зарубежной, так и в русскоязычной литературе. Однако для текущего этапа социокультурного развития характерно появление принципиально новых средств ведения гибридных войн – информационных и кибернетических войн. Данному аспекту межгосударственного противостояния уделяется недостаточное внимание в современных исследованиях гибридных конфликтов (только упоминается его наличие). Большинство современных конфликтов происходят не только на традиционном поле боя, но и прежде всего в информационном и кибернетическом пространстве. Ф. Г. Хоффман отмечает, что конфликты будущего все больше носят смешанный, мультимодальный характер: «Обычные

и нерегулярные силы, военные и не участвующие в боевых операциях и даже физическое (кинетическое) и виртуальное измерение конфликта становятся размытыми» [9, р. 57].

Российские исследователи В. Н. Акулинин и Н. С. Епифанова, анализируя концепцию гибридного противостояния, выделяют такие «нетрадиционные средства, которые используются в ходе гибридной войны и проводятся в различных пространствах:

- информационном (средства массовой информации, интернет-пространство);
- киберпространстве (применение технически сложных компьютерных программ, нацеленных на нанесение ущерба крупным промышленным предприятиям и другим стратегически важным объектам, а также специальных программ-шпионов против конкретных государственных и промышленных объектов в целях получения информации о закрытых разработках, в том числе в оборонно-промышленном комплексе);
- дипломатическом (традиционная форма политического противоборства);
- внутривнутриполитическом (использование любых имеющихся противоречий в обществе противника – от религиозных и межэтнических конфликтов до столкновений между спортивными болельщиками);
- экономическом (применение экономических и финансовых санкций и контрсанкций, ослабление противника в ключевых секторах экономики, организация “управляемого краха” на рынке национальной валюты и т. п.)» [10, с. 55].

Именно информационное и кибернетическое пространство, как поля для различного рода гибридных конфликтов, представляют наибольший интерес в контексте данного исследования. Киберпространство – это область анонимности, не ограниченная территориально, доступная в любой точке мира, с бесконечными возможностями оказывать влияние на отдельных людей и целые нации, которые зависят от информационных технологий. В отличие от войн, где используют кинетическое оружие, кибератаки не наносят физического ущерба, но повреждают информационную безопасность компьютерной системы. Киберпространство дает большое количество возможностей навредить противнику. В частности, западные общества, в том числе их военнослужащие, стали очень зависимы от киберпространства. Проведение банковских операций, использование телефонных сетей, управление воздушным движением, логистическими сетями, эксплуатация заводов или атомных электростанций – все это становится сферой применения ИКТ. Таким образом, в киберпространстве может осуществляться целый спектр опасных действий: кибервандализм (распространение вирусных программ), киберпреступность (совершение противоправных действий с помощью ИКТ),

кибершпионаж, кибертерроризм, тактические и стратегические кибервойны и др.

В значительной степени многие современные военные и политические конфликты и противостояния являются следствием действий в киберпространстве или, по крайней мере, зависят от них. События «арабской весны», которые дали начало волне революций в арабском мире, произошли из-за активного использования социальных медиа и интернета. Забастовки и демонстрации, а также вооруженные восстания в Иране, Тунисе, Египте, Ливии, Ливане, Саудовской Аравии, Ираке и Йемене, Алжире и Судане стали свидетельством того, что мир стоит на грани раскола, который начинает носить глобальный характер. Дивергентные процессы, происходящие не только в арабо-мусульманском мире, но и в западной цивилизации, дают возможность говорить о том, что они масштабны.

Таким образом, гибридные войны, а точнее их современное воплощение – информационные и кибернетические войны, – это закономерный результат глобализации, поскольку, как было отмечено ранее, появление и развитие ИКТ стали возможными именно в результате процессов глобализации. В свою очередь, использование современных технологий формирует новый контекст международных взаимоотношений, которые должны выстраиваться с учетом данного фактора.

«Описанные выше события, которые происходят в течение последних лет, наглядно демонстрируют наличие реальных процессов дивергенции, в результате которых мир оказался на грани раскола. События “арабской весны”, украинский кризис, военная операция в Сирии, брексит Великобритании (как пример невоенного распада целостности Евросоюза), стремление к отделению Каталонии и выхода из состава Испании, гибридная война США и России, миграционный кризис в Европе, увеличение количества террористических актов, информационные и кибервойны являются прямыми доказательствами дивергенции мирового сообщества, как на Западе, так и на Востоке. На фоне экономической конвергенции и снятия торговых барьеров, преодоления пространственных ограничений благодаря ИКТ, в то же время наблюдается ярко выраженная тенденция локализации и партикуляризма» [2, с. 85]. «Реальные процессы глобализации, вопреки разрушению экономических и географических границ, формирующих локальные общности, неожиданно пошли в сторону цивилизационной, этнической и конфессиональной дивергенции» [10, с. 18]. Дивергенция становится основной тенденцией глобализации на современном этапе социальной динамики и касается прежде всего культурных, этнических и религиозных противоречий, которые только усиливаются под действием современных технологий в культурно-

информационном пространстве. Глобализация превращается из процесса становления глобальной конвергентной культуры «в глобализацию системного цивилизационного кризиса, охватывающего все мировое сообщество. В результате глобализация, как глобальный системный кризис, объединяет мир-систему не через единство интересов и ценностей, а через всеобщность конфликта субъектов мирового развития, интересы которых объективно антагонистичны» [5, с. 68].

На основании проведенного исследования были сделаны выводы. На современном этапе социодинамики культура и ИКТ образуют синергетическое единство, которое включает в себя как технико-технологическую составляющую (компьютеры, программное обеспечение, интернет и др.), информационные ресурсы, так и саму культуру как духовную сферу жизни общества, фундаментом которой выступает система ценностей. Все это объединяется в условиях глобализации и образует культурно-информационное пространство социума.

Были выделены тенденции современной социодинамики, которые свидетельствуют о реальной дивергенции мирового сообщества: увеличение рискогенности и нестабильности социума, усиление военных конфликтов, национальных и религиозно-этнических противостояний, миграционного кризиса в Европе. Происходят локализация, фрагментация и дифференциация общества по вышеназванным признакам. Таким образом, то, что раньше считалось издержками глобализации, своеобразными побочными эффектами процесса становления глобального мирового единства, сегодня становится сущностной характеристикой феномена глобализации. Современный этап социодинамики, который все чаще определяется как постглобализация, характеризуется сменой конвергентных тенденций (экономических, этнокультурных, идеологических и др.), дивергентными процессами фрагментации и дифференциации мировой социальной системы. Глобализация обусловила становление не единого, гомогенного общества и породила общий социальный кризис, который под действием процессов экономической, идеологической и информационной глобализации стал всепроникающим и обрел мультифакторный характер.

Важнейшим фактором дивергенции современного общества является появление новых форм противостояния, к которым относят гибридные войны, а точнее их современное воплощение – информационные и кибернетические войны. Эти новые способы ведения конфликтов являются закономерным результатом процесса глобализации, благодаря которой происходит развитие ИКТ. Такие технологии становятся средством ведения информационных и кибернетических войн.

Библиографические ссылки

1. Радевич ЕВ. *Глобализация культурно-информационного пространства как фактор дивергенции современных обществ* [диссертация]. Минск: БГУ; 2018. 161 с.
2. Радевич ЕВ. Дивергенция современных обществ как результат интегрального взаимодействия информационно-коммуникационных технологий и процессов. *Труды БГТУ. Серия 6. История. Философия*. 2018;2:81–87.
3. Фридман Дж. *«Горячие» точки: геополитика, кризис и будущее мира*. Строганов Д, переводчик. Санкт-Петербург: Питер Пресс; 2016. 398 с.
4. Сафонов АЛ. Этническая фрагментация наций в эпоху глобализации: социально-философские аспекты. *Философская мысль* [Интернет] 2015 [протитировано 13 апреля 2018 г.];6. Доступно по: http://e-notabene.ru/fr/article_15796.html.
5. Сафонов АЛ. *Глобализация: структура, сущность и атрибуты*. Москва: МГИУ; 2014. 101 с.
6. Glenn RW. Thoughts on «hybrid» conflict [Internet]. *Small Wars Journal* [cited 2018 April 13]. Available from: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict>.
7. McCuen J. Hybrid wars. *Military. Review*. 2008;2:107–113.
8. Huovinen K-P. Hezbollah and Taliban – hybrid adversaries in contemporary conflicts? [Internet; cited 2018 April 12]. Available from: https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/92639/Y2622_HuovinenKPO_YEK56.pdf.
9. Hoffman FG. *Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars*. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies; 2007. 72 p.
10. Акулинин ВН, Епифанова НС. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015;36:53–60.

References

1. Radevich EV. *Globalizatsiya kul'turno-informatsionnogo prostranstva kak faktor divergentsii sovremennykh obshchestv* [Globalization of the cultural and information space as a factor in the divergence of modern societies] [dissertation]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 161 p. Russian.
2. Radevich EV. Divergence of modern societies as a result of the integral iterated of information and communication technologies and the processes globalisation. *Trudy BSTU. Series 6. History. Philosophy*. 2018;2:81–87. Russian.
3. Friedman J. *«Goryachie» tochki: geopolitika, krizis i budushchee mira* [«Hot» spots: geopolitics, crisis and the future of the world]. Stroganov D, translator. Saint Petersburg: Peter Press; 2016. 398 p. Russian.
4. Safonov AL. [Ethnic fragmentation of nations in the era of globalisation: social and philosophical aspects]. *Filosofskaya mysl'* [Internet]. 2015 [cited 2018 April 13];6. Available from: http://e-notabene.ru/fr/article_15796.html. Russian.
5. Safonov AL. *Globalizatsiya: struktura, sushchnost' i atributy* [Globalization: structure, essence and attributes]. Moscow: Moscow State Industrial University; 2014. 101 p. Russian.
6. Glenn RW. Thoughts on «hybrid» conflict [Internet]. *Small Wars Journal* [cited 2018 April 13]. Available from: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict>.
7. McCuen J. Hybrid wars. *Military. Review*. 2008;2:107–113.
8. Huovinen K-P. Hezbollah and Taliban – hybrid adversaries in contemporary conflicts? [Internet; cited 2018 April 12]. Available from: https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/92639/Y2622_HuovinenKPO_YEK56.pdf.
9. Hoffman FG. *Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars*. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies. 2007. 72 p.
10. Akulinin VN, Epifanova NS. The concept of hybrid warfare in the practice of inter-state confrontation. *National Interests: Priorities and Security*. 2015;36:53–60. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.06.2021.
Received by editorial board 02.06.2021.